

Хуррамов Х.Х.
аспирант, кафедра политических наук РУДН
Hurramov H.H.
Postgraduate, Chair of Political Sciences, PFUR

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

POLITICAL ASPECTS OF HYDRO-ENERGY PROBLEMS IN CENTRAL ASIA

Аннотация: В статье анализируется политические аспекты водно-энергетического кризиса, который происходит во взаимоотношениях центрально-азиатских государств на современном этапе. Исследованы основные причины разногласий стран региона по данному вопросу. Выявлены позиции отдельных стран региона, показаны их выгоды и потери.

Ключевые слова: водно-энергетические ресурсы, Центральная Азия, энергетический потенциал

Abstract: In article political aspects of hydro-energy crisis in Central Asia are analyzed. The main reasons for disagreements of the countries of the region on the matter are investigated. Positions of the Central Asian countries are revealed.

Keywords: hydro-energy resources, Central Asia, energy potential

В последние годы вопросы использования водно-энергетического потенциала трансграничных рек в Центральной Азии приобрели особую актуальность. Это связано с затянувшимся решением данного вопроса, что негативно отражается на экономике стран Центральной Азии.

В вопросе об использовании водных ресурсов государства Центральной Азии разделяются на «тройку» государств, в которую входят Узбекистан, Казахстан и Туркменистан и «двойку», которая представлена Киргизией и Таджикистаном. Последние два государства, в данном случае являются ключевыми поставщиками воды для основных потребителей – Казахстана, Туркменинии и Узбекистана [1].

Суть конфликта заключается в том, что Киргизия и Таджикистан стремятся к использованию водных ресурсов с целью выработки электроэнергии, как для собственных нужд, так и для экспорта в третьи страны, в то время как Узбекистан, Туркменистан и Казахстан настаивают на исключительно аграрном использовании трансграничных рек [2].

После распада СССР отлаженная в течение нескольких десятилетий схема энергетического обмена была уничтожена. Разрушение прежней схемы энергетического обмена, которая существовала в период СССР, когда Москва играла доминирующую роль в распределении водных и энергетических ресурсов, привело к негативным последствиям во взаимоотношениях между государствами Центральной Азии и угрожает дестабилизацией всего региона [3].

Негативные последствия, возникшие в результате разрушения прежней схемы энергетического обмена, сказались, прежде всего, на Узбекистане, Киргизии и Таджикистану. В итоге это заложило основы водно-энергетической проблемы. Киргизия и Таджикистан стали первыми ее «жертвами», а Узбекистан начал нести основную нагрузку по поддержанию энергетической безопасности двух соседей [8].

В общих чертах схема должна была бы выглядеть следующим образом: Киргизия и Таджикистан, жертвуя своими интересами, шли на подачу воды в больших объёмах летом, получая в качестве ответной меры природный газ, уголь и нефть в зимний период. Страны низовья – Узбекистан и Казахстан заинтересованы в следующем ирригационно-энергетическом режиме использования Токтогульской ГЭС Киргизии: 72-75% от годового стока воды – весной и летом (с апреля по сентябрь), до 25-28 % зимой (октябрь-март). Обсуждению различных аспектов данной схемы, в основном объемов поставок и цен, были посвящены десятки встреч руководителей государств Центральной Азии на самых различных уровнях. Эксперты подчёркивают, что стремление правящих элит после обретения республиками независимости создать автономный энергетический комплекс в каждом государстве привело к тому, что режимы работы ГЭС изменились с ирригационных на энергетические [4].

Использование водных ресурсов трансграничных рек в зимний период для выработки электроэнергии каскадами высокогорных ГЭС приводит к водному дефициту в летний период. Летом низкий уровень воды в горных водохранилищах сказывается на урожайности хлопка и зерновых в Узбекистане и Казахстане [5]. Экономический ущерб от нерешенности проблемы водопользования наносится всем странам региона. По данным Программы развития ООН, неурегулированные проблемы эксплуатации водных ресурсов в Центральной Азии ежегодно приводят к потерям 1,7 млрд. долл. [7].

В долгосрочной перспективе проблема водопользования в Центрально-азиатском регионе будет обостряться из-за высоких темпов прироста населения. Согласно данным ООН, численность населения Казахстана к 2025 г. составит 16,1 млн чел., Киргизии - 6,5 млн чел., Узбекистана - 34,2 млн чел., Таджикистана - 8,1 млн чел., Туркмении - 6,8 млн человек. По оценкам специалистов, демографический рост в указанных странах неизбежно увеличит потребность в воде в предстоящие 20 лет на 40 % [6].

По оценкам специалистов Всемирного банка, совместные выгоды Узбекистана и Казахстана от использования водных ресурсов в ирригационных целях составляют 67,3 млрд долл., что существенно выше, чем потери Киргизии, которые составляют около 32,2 млрд долл. в год [7].

В последние годы острые противоречия возникают из-за режима работы самого большого в Центральной Азии Токтогульского водохранилища. Поскольку Киргизия зимой испытывает большую потребность в электроэнергии и вынуждена спускать воду, то Ферганская долина подвергается наводнению. Летом, наоборот, воды сбрасывается меньше. Чтобы решить данную проблему, в свое время в Киргизии предложили построить еще две ГЭС (возле Камбаратинской ГЭС). Это обеспечило бы жителей Казахстана и Узбекистана водой летом, а жителей Киргизии - электроэнергией зимой. Казахстан и Узбекистан, расположенные в низовьях, не хотят зависеть от электроэнергии и воды Киргизии. Для этого они активно разрабатывают идеи строительства собственных водохранилищ. Однако все это может привести к тому, что в итоге

Киргизии некуда будет продавать остатки электроэнергии, что повлечет за собой еще ряд некоторых причин для споров [10].

В данной ситуации необходимо уделить внимание гидроэнергетическим ресурсам Таджикистана и Киргизии. Таджикистан обладает огромными запасами. Страна занимает восьмое место в мире - на ее долю приходится около 4% гидроэнергетического потенциала всего земного шара. В общей структуре энергоресурсов Таджикистана доля гидроэнергии составляет более 95% [14].

Гидроэнергетика Таджикистана высокоприбыльна и высококонкурентна в регионе. Уже при тарифе 2 цента за один киловатт/час годовая прибыль энергосистемы будет составлять 250 млн. долл. [11]. Однако в действительности использование всего гидроэнергетического потенциала является весьма непростым делом.

Мировое сообщество выработало цивилизованные подходы к разрешению возможных конфликтов, связанных с эксплуатацией трансграничных рек. Такие документы были приняты ещё в начале прошлого века» [12]. Так, существуют две конвенции, принятые Лигой наций: конвенция «О режиме судоходных водных путей международного значения, принятая 20 апреля 1921 г. в Барселоне, и конвенция «О развитии гидроэнергетики в одном и более государствах, принятая 9 декабря 1923 г. в Женеве. Более современными и актуальными являются конвенции ООН: Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр, подписанная 17 марта 1992 г. в Хельсинки и Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, принятая 21 мая 1997 г. в Нью-Йорке. Все эти документы исходят из того, что освоение ресурсов трансграничных рек должно проводиться с учётом взаимных интересов государств, через территорию которых эти реки протекают [13].

Указанные конвенции были признаны только Казахстаном. Другие государства Центральной Азии предпочли проигнорировать данные документы. Более того, некоторые страны региона проводили политику, направленную на усиление контроля над водными ресурсами. В 2001 году Киргизия приняла закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных

ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики», который предусматривал взимание платы с соседей за использование воды трансграничных рек. Этот документ привел лишь к усилению конфронтации в регионе.

Нехватка водных ресурсов вынуждает центрально-азиатские страны корректировать свою промышленную и сельскохозяйственную политику. Если в 1980-х годы в Узбекистане хлопчатником засевалось около 2 млн га, то к началу XXI века площади под эту культуру сократились до 1,5 млн га, а производство упало с 5,7 млн до 3 млн тонн (урожай 2000 г.). Узбекские эксперты утверждают, что уменьшение почти на миллион тонн произошло именно за счёт земель, ранее орошаемых водой, поступающей из Киргизии [12].

Таджикистан и Киргизия не соглашаются с предложениями своих региональных соседей и не намерены отдавать большие объёмы воды летом. Эти государства и без того являются наиболее слабо развитыми относительно своих соседей и нуждаются в модернизации и диверсификации своих экономик в том числе и путем экспорта электроэнергии.

Киргизия - единственная страна Центральной Азии, водные ресурсы которой почти полностью формируются на ее территории. В этом заключается гидрологическая особенность и преимущество Киргизии [17]. Страна располагает значительными водными и гидроэнергетическими ресурсами, что является одним из главных ее богатств. На ее территории насчитывается около 30 тыс. рек и ручьев, в том числе около 20 тыс. длиной более 10 км. С гор в окружающие долины стекает в среднем около 49 км³ воды в год, используемой самой республикой только на 25%. Гидроэнергетический потенциал рек составляет около 174 млрд кВт / час, а мощность - 19,8 млн кВт [18].

Киргизия, на основе подписанного на высшем государственном уровне 20 сентября 2012 года российско-киргизского Соглашения о строительстве Камбар-Атинской ГЭС-1 и Верхненаарынского каскада ГЭС, а так же последовавшего вскоре решения о строительстве внутренней высоковольтной линии, позволяющей снизить зависимость от поставщиков электроэнергии из соседних

государств, смогла совершить важный прорыв на пути достижения энергетической безопасности и реализации планов экономического развития. Перспективы строительства в общей сложности пяти гидроэнергетических объектов на территории Киргизии, как и заявленные намерения киргизского руководства провести модернизацию крупнейшей в Центральной Азии Токтогульской ГЭС (оценочная стоимость модернизации - 55 млн. долл.), являются проектами, открытыми для участия соседних стран, иностранных компаний и международной экспертизы [20]. Однако политика Киргизии создала дополнительные напряжения в киргизско-узбекских отношениях.

Вместе с тем, одним из серьезных конфликтов, разворачивающихся в Центральной Азии и который в перспективе может обернуться «водными войнами», является вопрос строительства Рогунской ГЭС. Узбекская сторона обвиняет таджикские власти в стремлении построить слишком высокую плотину и «перехватить» всю воду, установив, тем самым, контроль над водоснабжением Узбекистана. В свою очередь, таджикская сторона обвиняет Узбекистан в том, что тот мешает развивать таджикскую гидроэнергетику, а также периодически отключает поставки газа и устраивает транспортную блокаду. Все попытки международных организаций сыграть посредническую роль в этом конфликте пока не имели успеха. Кроме того, у сторон отсутствует общее правовое понимание проблемы [6].

В середине 1990-х гг. как возможное решение проблемы взаимоотношений между ирригационным и энергетическим секторами была предложена идея создания Международного водно-энергетического консорциума (МВЭК). Первые проработки идеи создания МВЭК восходят к решению Межгосударственного совета (МГСА) Казахстана, Киргизии и Узбекистана от 24 июля 1997 года, в соответствии с которым была разработана Концепция о принципах взаимодействия Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана по созданию международных консорциумов, одобренная МГСА 12 декабря того же года [10].

На основе заключений межправительственных комиссий (МПК) в 1997-1998 годах. Советом премьер-министров (СПМ) Ка-

захстана, Кыргызстана, Узбекистана, позже и Таджикистана принимается ряд решений по созданию МВЭК. Так, 17 марта 1998 года решением СПМ Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана поручено МПК подготовить и внести на рассмотрение СПМС Казахстана, Киргизии, Узбекистана проект межправительственного соглашения о создании МВЭК. 26 июня 1998 года решением СПМ Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана (г. Бишкек) поручено МПК по созданию международных консорциумов; разработать Устав МВЭК, а также подготовить к октябрю 1998 года Учредительный договор [10]. Однако принятые решения не были выполнены.

В конце 1990-х гг. благодаря инициативам Президента Казахстана Н. Назарбаева и финансовой помощи Всемирного банка поддерживался интерес к продолжению работ по созданию МВЭК. С первого десятилетия XXI в. активный интерес к участию в работе Международного водно-энергетического консорциума проявила Российская Федерация [21]. К настоящему времени имеется одобренная Советом глав государств-членов организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» концепция создания МВЭК, разработан ряд проектов межгосударственных соглашений (МГС) по созданию МВЭК. Как считает ряд экспертов, основным недостатком рассматриваемых в настоящее время проектов МГС о создании МВЭК является игнорирование роли региональных водных органов, в частности - Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) Центральной Азии и его исполнительных органов (БВО «Сырдарья», БВО «Амударья») [6].

Таким образом, на сегодняшний день вопрос о возобновлении функции консорциума с участием всех стран бассейна Аральского моря является открытым. Однако, чрезмерная политизация водноэнергетической проблемы, не позволяет в полной мере начать конструктивный диалог в поисках приемлемых для всех сторон решения.

В решении водно-энергетического кризиса в Центральной Азии, до сих пор ключевую роль сможет сыграть Россия, оставаясь при этом в стороне от узкогрупповых, национальных и других интересов отдельных стран региона.

Одним из вариантов может стать создание компенсационного механизма, в рамках которого было бы возможно сотрудничество в использовании водно-энергетических ресурсов региона. Данный механизм представляется наиболее рациональным, чем политика по обеспечению водной или энергетической самодостаточности каждой отдельно взятой страны [22].

Литература:

- [1] Современный мир и геополитика /Отв. ред. Неймарк М.А. 2015. М. Канон+. – 448 с.
- [2] Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду /Индекс безопасности. 2008. Т. 14, №3. С. 49-62
- [3] Жильцов С.С., Бименова А. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек /Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т.18. №1. С. 90-100
- [4] Мишук Е. С., Махин А.С. Актуальные проблемы электроэнергетики Центральной Азии и возможные пути их решения. Доклад на семинаре РСМД «Ситуация в Центральной Азии и перспективы интеграции электроэнергетических сетей в регионе», 17 апреля 2012 г.
- [5] Суздальцев А. «Водно-энергетическая проблема в ЦА» http://www.wehse.ru/cgi-bin/wpg/wehse_wpg_show_text_print.pl?term1302078508
- [6] Гусев Л. «Водно-энергетическая проблемы в Центральной Азии и возможные пути их разрешения»// Вестник МГИМО Университета. №6 (33). С.34-41.
- [7] «Central Asia and Human Development», UNDP 2005, p. 91.
- [8] Парамонов В. «Водно-энергетическая проблема ЦА и политика России» http://structure.sfu-kras.ru/files/structure/vodno-energeticheskaya_problema_centralnoy_azii_i_politika_rossii.pdf
- [9] Казанцев А. Эксперты МГИМО обсудили энергетическую политику в Центральной Азии.// <http://www.mgimo.ru/about/structure/3496/3727/news/n224046.phtml>
- [10] Водные проблемы Центральной Азии. См. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/zentralasian/50115.pdf>
- [11] Экспертный доклад Фонда стратегических исследований Центрально-Азиатского региона. См. URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsac0b.html?id=213
- [12] Куртов А.А. Страшнее Афганской угрозы: Вода как источник конфликтов в Центральной Азии // Ежегодник института международных исследований, МГИМО МИД РФ. № 1 (7) 2014. С 96-115
- [13] Аманжолов Ж.М. Многосторонние договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии// Московский журнал международного права. №4. 2007 г.
- [14] Искандарханова Б.А. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии // Московский журнал междуна-

родного права. 2007. № 3.

[15] Косарева М.А. Международно-правовой статус трансграничных природных ресурсов //Вестник МГУ. Сер.11.Право.2007.№4.

[16] Косарева М.А. Международно-правовой статус трансграничных природных ресурсов //Вестник МГУ. Сер.11.Право.2007.№6.

[17] Данилов-Данильян В. Неизбежны ли водные войны ? // Мировая энергетика.2007.№3.

[18] Касимова В.М., Карасаева А.Х., Родина Е.М. Об устойчивом природопользовании в бассейне Аральского моря. Бишкек, 2001.

[19] Сарсенбеков Т., Мироненков А. Два в одном: можно ли «разделить» воду и гидроэнергию? // Мировая энергетика. 2007. №8. С.50-51

[20] Боришполец.К.П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: Возможные пути решения // Вестник МГИМО Университета.2013.№3 (30). С.25-28.

[21] Жильцов С.С., Воробьев В.П., Шутов А.Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве. М. 2010. Восток-Запад. – 168 с.

[22] Жильцов С.С., Зонн И.С. Стратегия США в Каспийском регионе. М. 2003. Эдель-М. – 200 с.